Митрополит Иларион: служить Богу своим талантом может только тот человек, который сознает свою немощь перед Творцом

20 июля 2013 года гостем телепередачи «Церковь и мир» на телеканале «Россия-24», которую ведет председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал актер, певец, музыкант, заслуженный артист России Евгений Дятлов.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о таланте и тщеславии. У меня в гостях – актер, певец, музыкант, заслуженный артист России Евгений Дятлов. Здравствуйте, Евгений!

Е. Дятлов: Здравствуйте, Владыка! Поскольку я отношусь к тем людям, которых принято называть (если они становятся замечаемыми) талантливыми, одаренными, способными, то хотел бы поговорить с Вами на такую тему, как тщеславие. Я знаю, что Вы пишите музыку и отношение к музыке у Вас профессиональное. Талант – очень тонкая материя. Наверное, нужно найти какую-то общую основу, чтобы построить беседу.

Митрополит Иларион: Я хотел бы начать с того, что изначально слово талант обозначало денежную единицу. Когда мы говорим «зарыть талант в землю», мы ссылаемся на притчу Господа Иисуса Христа о людях, которые получили разное количество денег. Получивший десять талантов употребил их в дело, и эти деньги принесли еще десять талантов. Тот, кто получил пять талантов, тоже употребил их в дело, и они принесли еще пять талантов. А тот, кто получил один талант, зарыл его в землю, подождал, пока вернется его господин и отдал ему столько же, сколько получил. Этот образ наводит на сравнение между талантами в нашем понимании и денежными средствами. Талант, с одной стороны, – дар, а с другой, – бремя. Деньги, с одной стороны, – это материальное благо, но с другой, – бремя.

Среди моих знакомых есть богатые бизнесмены, которым могли бы позавидовать те, кто считает деньги главным критерием счастья и успеха. Но я знаю, сколько они прилагают усилий, чтобы эти деньги сохранить, чтобы вложить их туда, где они принесут прибыль. Некоторые люди, например, владеющие банками, всю свою жизнь тратят на то, чтобы умножить средства, хранящиеся в этих банках. Они, по сути дела, лишаются личного счастья, свободного времени и иногда даже перестают понимать, ради чего они живут, потому что вся их энергия уходит в сохранение, воспроизводство этих денежных средств и их приумножение.

Нечто подобное происходит и с талантом, потому что талант – это то, что мы получаем от Бога. Каждый человек получает от Бога свой талант. Очень важно, чтобы мы понимали, что наши таланты – это не то, чем мы должны хвалиться или тщеславиться, а это то, что нам дано. Если у другого человека нет такого таланта, как у нас, то это значит, что ему этот талант не дан свыше, но, с другой стороны, вполне может быть так, что ему дан другой талант, которого нет у нас. Мне кажется, чем талантливее человек (если это человек религиозный), тем более смиренным он должен быть, потому что он должен понимать, что ему очень много дано, а значит, с него много спросится. Когда Христос говорит, что мы не должны зарывать свой талант в землю, Он говорит о том, что все, что нам дано – маленький талант или большой, один талант или много, – дано для того, чтобы принести прибыль. А прибыль – это не что иное, как те добрые дела, которые могут стать

результатом правильного применения наших талантов.

Е. Дятлов: Тонкость в том, что талант, о котором говорится в притче, – это что-то вещественное, это то, что мы можем точно определить, дать критерий. А вот критерии творческих способностей очень размыты. Они определяются каким-то соцзаказом, востребованностью со стороны социума. Причем этот заказ – неписаный, непроизносимый – зависит от того состояния, в котором находится общество. Человек реагирует на этот заказ, а мы вдруг начинаем говорить, что он обладает талантом. Но все это субъективно. Это не выдерживает никакой критики с точки зрения точно вычисленных законов гармонии, которые непреложны. По сравнению с этими непреложными законами такой талант – ничто, но почему-то он пользуется огромным спросом. Почему-то человек начинает из-за этого возноситься, гордиться. Самому человеку очень тяжело это понять, потому что он «обманываться рад», рад придать себе ложный вес, рад верить, что он действительно талантлив, если его творчество нравится людям. Это самое настоящее искушение – обладать способностями, которые кому-то представляются талантом, в то время как настоящие таланты вполне могут находиться в тени, оставаясь совершенно невостребованными. В мире очень много людей, которые зарывают свой талант в землю, используют его не по назначению. И те, кто приумножают свои таланты, встречаются крайне редко.

Митрополит Иларион: В ответ на Ваши слова я хотел бы, в первую очередь, сказать, что талант очень тесно соседствует с тщеславием. Если человек талантливый, если он производит, скажем так, много «полезного продукта» и при этом его деятельность сопровождается некой долей честолюбия, то ничего страшного в этом нет. Ведь иной раз люди говорят: «Чтобы не было тщеславия, я лучше вообще ничего не буду делать». Это неправильный подход. Но если тщеславие становится для человека главной движущей силой, если он, прежде всего, пытается найти конъюнктуру, о которой Вы говорили, то есть пытается делать то, что наиболее востребовано, то, что лучше всего оплачивается, – в этом случае тоже происходит закапывание таланта в землю. Но происходит это иным образом, чем сказано в притче: люди пускают свой талант в оборот, но создают не реальные блага, а некоторую пирамиду, которая в какой-то момент рушится – например, когда проходит мода или изменяются вкусы.

В истории существует очень четкий отбор реальных талантов. В XVIII, XIX веке жили сотни, тысячи композиторов. Но из этого числа история, то есть сами люди, отобрала тех, музыка которых звучит до сих пор. Жили два современника – Моцарт и Сальери. Я оставляю всю мифологию, созданную вокруг этой пары композиторов, и не хочу касаться вопроса, была ли на самом деле вся эта история с отравлением. (Лично я думаю, что ее не было). Но Моцарта до сих пор все слушают, а Сальери исполняют очень редко на каких-то специальных академических концертах. Хотя при жизни композиторов превосходство Моцарта было не всем понятно. Или, допустим, Бах. Для меня это некий идеал композитора и вообще творческого человека. Он никогда не гнался за успехом, не был, как бы сейчас могли сказать, эффектным деятелем искусства. О нем знали как о неплохом органисте. Он сочинял какие-то церковные кантаты. Но я думаю, что ни у кого из современников даже в мыслях не было, что когда-нибудь музыка этого человека завоюет такую невероятную и универсальную популярность. Современниками Баха были такие композиторы, как Георг Филипп Телеман, который пользовался большой известностью, но которого сейчас знают только в узких кругах музыкантов и музыковедов.

История сама расставляет свои акценты. Очень многое из того, что сейчас ярко вспыхивает на небосклоне искусства и творчества, погаснет столь же быстро, как оно вспыхнуло. Очень важно, чтобы человек свой талант употреблял на пользу других людей. Чтобы он развивал то, что ему дано, исходя не из каких-то тщеславных или конъюнктурных соображений, не думая о том, как бы подороже продаться публике и получить гонорар, а исходя из мысли о том, как принести максимальную пользу людям.

Е. Дятлов: Я где-то, читал, что чем реже вы будете употреблять слово «любовь», используя вместо него другие слова, тем больше вы сместите понимание этого слова. Когда человек сам себе говорит: «Я – одаренный, талантливый», это говорит его тщеславие. А когда человек просто занят делом, то возникает такое ощущение (такое бывает на сцене, это очень редкие, счастливые случаи), словно он попадает в какое-то третье измерение, в такое состояние, когда нет тебя, твоей самости, твоего я. Иногда ты настолько глубоко погружаешься в мысль, что отлетает весь эгоизм, все темные помыслы. Это, наверное, лучшее состояние души, которым хочется поделиться, потому что невозможно удерживать внутри себя это состояние. Это такое переживание счастья, которым хочется поделиться. Когда человек входит в такое состояние, то, мне кажется, возникает что-то иное помимо тебя самого и предмета, которым ты так занят. Это, наверное, может стать спасением и гарантией от тщеславия.

Митрополит Иларион: Состояние, которое Вы описали, называют вдохновением, и оно знакомо многим творческим людям. Но не все осознают, что вдохновение – это когда кто-то в тебя что-то вдыхает, то есть вдохновение не приходит изнутри человека. Я это знаю, по крайней мере, по двум измерениям своей жизни: по музыке и по проповеди. Я очень хорошо понимаю, что бывают такие моменты, когда я не смогу написать никакой музыки. То есть я смогу написать ноты, сочинить мелодию, сконструировать ее, но эта музыка будет похожа на тело, лишенное души, в котором нет того третьего измерения, о которым Вы говорите. Но вдруг в какой-то момент в человеке что-то открывается, и музыка приходит сама. Тебе не надо ее сочинять, тебе не надо ее придумывать, тебе не надо ее ждать – нужно ее только записать, а потом уже начать с ней работать. И тогда ты работаешь уже как композитор, как профессионал, но изначальное ядро, музыкальная тема – не твоя. Она пришла откуда-то извне.

То же самое я чувствую иногда и во время проповеди. Мы, священнослужители, обязаны произносить после каждой литургии, но эта обязанность не означает, что у человека всегда будет вдохновение. Иногда я говорю проповедь, сознавая, что мне надо передать какие-то мысли людям, что эти мысли вытекают из прочитанного евангельского отрывка и не более того. Я чувствую, как эти мысли у меня в голове формируются, как они потом складываются во фразу, как эта фраза озвучивается. Но бывают такие моменты, когда во время проповеди вдруг некий поток начинает тебя куда-то нести. Ты говоришь такие вещи, которые сам бы не смог придумать еще несколько минут назад. Ты даже не понимаешь, откуда они берутся. Почему та или иная тема или прочитанный евангельский отрывок вдруг без всякой подготовки навел тебя на такие мысли? Состояние вдохновения, поистине, – очистительное: оно изгоняет из самого творца его греховные мысли, в том числе и тщеславие. Но это происходит лишь в том случае, если человек понимает, что эти минуты вдохновения приходят к нему от Бога, если он умеет благодарить Бога и смиряться перед Богом, сознавая, что вдохновение приходит свыше. В этом, наверное, и заключается главный критерий, по которому мы можем судить о том, кому мы служим через наше искусство и через наши таланты – Богу, удовлетворению своего эго или вообще служим диаволу.

По-настоящему служить Богу своим искусством и своим талантом может только тот человек, который сознает свою немощь перед Творцом, который сознает, что тот талант, который ему дан, – это действительно Божий дар, который в своем творчестве мотивирован не тщеславием, не эгоизмом, не конъюнктурой и не жаждой наживы, а желанием поделиться с людьми своим талантом, передать им любовь, добро, свет, жизнь.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52461/